

Самойлова М.В.,
канд. психол. наук,
зав. кафедрой
Сургутский
государственный
университет
ХМАО-Югры,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДРОСТКОВ Г. СУРГУТА

В данной статье обобщены результаты практики судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних правонарушителей и представлена трагедия формирования личности современного подростка, которая наиболее отчетливо проступает в характере совершаемых им преступлений, в содержании мотивов преступных деяний, отношении к содеянному, в нарушении ценностно-смысловой оценки совершаемого деликта.

Ключевые слова: правонарушение, подросток, делинквентное (аддиктивное) поведение, преступные мотивы, субъективная сторона преступления.

In this article the results of the practice of judicial psychological – psychiatric examinations of underage delinquents are summarized and the tragedy of the present teenager personality (which more distinctly exudes through the nature of the crimes committed by them, through the criminal acts motives' content, the attitude to their actions, the violation of the value – semantic estimates of the committed delict) is submitted.

Keywords: delinquency, teenager, delinquent (addictive) behaviour, criminal motives, subjectivity of the crime.

Внимание психологов к субъективной стороне преступления и его механизм не ослабевает, особенно если этот вопрос касается формирующейся личности подростка. Подростковый возраст в психологии рассматривается как необыкновенно сложный [1,2,3,4, и мн.др.]. Биологические, психологические и социальные составляющие этого процесса влияют друг на друга чрезвычайно и многогранно. В связи с этим подросток часто оказывается чувствителен, раним, противоречив и особенно податлив влиянию условий окружающей его среды: «потребность в общении и самоутверждении подростка должна быть реализована в благоприятных условиях на основе социально значимой полезной деятельности. Если... самоутверждение осуществляется в неформальных подростковых группах, уличных, дворовых компаниях в форме асоциальных проявлений... оно может стать опасным криминализирующим фактором» [1, с. 420].

Традиционно считается, что причина формирования «трудного» подростка лежит в неблагополучной среде, прежде всего - в семье. Несомненно, в «группу риска» попадают подростки из неполных, алкоголизированных семей, а также семей с наркозависимым, осужденным, психически больным и т.д., однако экспертиза случаев убийств, совершенных подростками, заставляет пересмотреть и существенно расширить границы этой группы.

Объектом данного обсуждения

выступает содержание ряда особо тяжких преступлений, совершенных подростками г. Сургута, а собственно предметом - личность современного малолетнего преступника.

Проблематика несовершеннолетней преступности обсуждается давно [1, 3, 4 и мн.др.]. Опыт работы автора в амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизе (АСПЭК) Сургутского клинического психоневрологического диспансера показывает, что около 80 % преступлений данного возраста - это кражи, грабежи, хулиганство, тогда как изнасилования и убийства, то есть собственно преступления против личности, составляют не такой большой процент. Однако ряд жестоких преступлений, совершенных подростками, начиная с 2007 года, потрясает как фактологической (жестокость, убийство без объективных причин), так и субъективной стороной содеянного (отношение к жертве, осмысление и объяснение причин преступного деяния, описание события, оценка последнего, нравственно-ценностная ориентировка в случившемся и т.п.).

Приводимые в качестве примера преступления, попадающие под ст. 105 УК РФ, были совершены подростками 1991–93 г.р., всего 15 чел. Все они нормального психического развития, на «Д» учете в СКПНД не состоят. Один признался, симпатизирует взглядам «скинхэд», другой имел проблемы в поведении, из-за которых сумел закончить только 9 классов, к моменту преступления ему исполнилось 16 лет, но

он не учился и не работал. У остальных положительный анамнез: из так называемых благополучных семей, имеют среднюю и хорошую успеваемость, двое обучались в музыкальной школе. Одним словом, общую выборку можно охарактеризовать как «обычные современные подростки», не относившиеся к пресловутой «группе риска», не имеющие поведенческих или прочих болезненных нарушений психики, а также задержки психического развития. По результатам амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизы все они признаны «здоровыми». Однако нельзя не заметить общие, в высшей степени дезадаптивные черты как в поведении подростков во время деликта, так и субъективном отношении к совершаемому преступлению. Они следующие:

Мотивы разрушения и острых ощущений на фоне выраженной несформированности гуманного и ценностного отношения подростков к здоровью и жизни «другого» человека.

В ряде случаев подростки намеренно искали «жертву», чтобы выразить агрессию, разрядиться. В других случаях к тяжелым преступлениям привел разрушительный агрессивный способ общения и решения минимально конфликтных ситуаций.

Размытость ценностных установок, граничащая с патологической, обнаруживается у большинства здоровых подростков, совершивших самые разные преступления (по ст. 158 - кража, 161 - грабеж, 162 – разбой), а мотивы быстрого и легкого обогащения рас-

сматриваются современными подростками как естественные. Поражает легкость, с которой они говорят о содеянном, сожалел лишь о правовом последствии, без обращения к нравственной стороне преступления. Например, Л.: 17 лет, обучается на слесаря КИПиА, имеет положительные характеристики с места учебы, подрабатывал на стройке, чтобы «деньги на карманные расходы у мамы не просить», совершил кражу дорогостоящего кабеля с места работы. Свой поступок объяснил так: *«Я на стройке шабашил. Нужны были деньги... Деньги были нужны, а денег не было... На стройке все сделали гладко (приготовили кабель для хищения, порезав на части – прим. автора), а на улице не подумали за видеокamera. Ошибка, конечно, что я вообще взялся за это дело. Но он (подельник – прим. автора) предложил – я согласился. Деньги – они не лишние, а делов то была фишня! Кто от легких денег откажется?!»*

Подобные ценностные установки личности современных подростков трудно назвать «здоровыми», особенно если речь идет о жизни людей. Импульсивная агрессивность, связанная с неуравновешенностью эмоционально-волевой сферы формирующейся психики подростка, давно рассматривается как одна из распространенных причин совершения подростками насильственных преступлений [1,3,5,6]. Вместе с тем невозможно отрицать, что мотивы быстрого обогащения, разрушения, насилия, абсолютного прагматизма, безответственности, одним словом, - асоциальные мотивы - сформированы у данных подростков не в отдельной ячейке общества - семье, а контекстом существующего на сегодняшний день упадка нравственности и человечности всего российского общества. Обобщая суждения самих подростков, признаки этого упадка можно сформулировать так:

- размытость ценностей в затянувшийся переходный период;
- стагнация на прагматических ценностях рыночной культуры в противовес экзистенциальным, духовным, эстетическим;
- экономическая нестабильность, продолжающееся расслоение на «нищих» и «богатых»;

- расхождение государственных программ возрождения России с действительностью жизни («в глубинке»;

- неверие в возможность «честного» заработка («да везде кидают», «все воруют – попадают не все» и т.п.), недоверие к правительству («да они там все воруют», «да кто президента посадит, он же главный – может делать что хочет» и т.п.), неуверенность в защищенности себя как субъекта страны («на улице зло», «сейчас либо ты, либо тебя» и т.п.), снижение значимости собственного существования в ней как законопослушного гражданина;

- свежесть и притягательность мифов о внезапном и случайном способе обогащения, захватывающей жизни уголовных авторитетов, поддерживаемая фильмами типа «Бригада» и другими «произведениями» современного кинематографа и непосредственными трансляциями криминальных «разборок» с места событий.

Формирование подростка в подобных условиях усугубляет и без того трудный возраст, становясь причиной не просто насильственного, а сверхжестоккого насильственного преступления, которое по композиции и составу может смело соперничать с преступлениями психически больно: убийство ради нескольких литров бензина, ради самоутверждения перед группой сверстников, ради «нечего делать», ради поддержания идеи ирреального «бойцовского клуба», ради развлечения, выплеска агрессии и т.п.

Нарушение прогноза результата собственных действий, связанных с нанесением физических повреждений другому; несформированность понятий «физическая боль», «опасность для жизни», «вред (ущерб) здоровью» и т.п.

После неоднократных ударов жертве по голове подросток заявляет, что у него «были мысли, что он (по-терпевший – прим. автора) может умереть». Обращает на себя внимание практически полное непонимание угрозы, осуществляемой здоровью и жизни другого человека: «Ну, мы же не хотели до такого бить. Злость была просто и всё» И.(16.1); «Кто-то перевязал ему шею проводом и давай его тащить...Он хрипел. Лысый сказал:

«Ща оттащим, пусть полежит, отдохнет», а мужчина резко вздохнул и всё. Все сначала не поняли, Черный пошевелил его, думали, он притворяется, а он не дышит...»(Е.(16.10)); «У меня отвертка была, я не понимал, что делал, пьяный, наверное, был, хотел просто припугнуть, ткнул его пару раз, а он взял и умер» К (15.9); «Я много не бил. Я всего 2 или 3 раза ударил палкой в область таза... ближе к ногам. Я же не такой как А., чтобы топтать человека до полусмерти» (Г 14.6); после многочисленных ударов ногой в голову подросток А. (15.3) участливо спросил: «Живой?! Ну, мужик, извини, что так получилось» (мужчина скончался на месте).

Таким образом, осуществление действий, не совместимых с жизнью, рассматривается подростками как игра: удушение, сокрушительной силы удары с применением предметов, нанесение ран отверткой не выделяются в группу опасных для жизни, вызывают удивление и негодование: «Отчего он умер? Я думаю, его после нас кто-то убил, а на нас сваливают теперь?!» (З., 14.9), «Я же не знал, что всё так обернется!» (Г., 14.6), «Я не знаю, что на меня нашло? Ну, я же не думал, что так получится, я не хотел» (К., 15.9).

Формальное, безучастное описание жестоких трагических событий как самых заурядных и обыкновенных.

«Что тут рассказывать? Выпили. Пошли вскрывать. Украл и разбил машину» (реально – убийство водителя, (Г., 15.3); «Побили – ну, это нормально... Так, особо жалости никакой не было... Задержали через 4 дня: я и не вспоминал особо. – Готов сидеть в тюрьме? – Да. – Сколько? – Лет восемь... Всего-то хотели мужика на деньги развести, а он себя неправильно повел, сам нарвался» (И., 16.); «Все знали, куда идут. Что теперь будет? Судить будут. Срок дадут... Я за своё сижу, я в курсе» (А., 15.3); «Произошло преступление. Да не помню, сколько выпил. Сначала двое пили, потом ещё подошли. Без адвоката говорить не буду, да, там правда (указывает на дело,) читайте, там все написано, я со всем согласен... » (М., 16.3, убийство).

Уровень правосознания чрезвычайно низкий, граничит с детским:

«Я дома только понял, что бомж, он тоже человек, получается, я слабого бил» (Г., 14.6); «Хотели **просто** на деньги развести, а если бы не было, **просто** магнитола забрать» (И., 16.1); «А можно, я лучше в Армию пойду, в Чечню, чем в тюрьме сидеть?» (А., 15.3).

Не намного выше уровень и у подростков, совершивших кражи личного имущества, зачастую воровство рассматривается как развлечение, невинная шалость: «Мне просто интересно было посмотреть, что за телефон, я его посмотреть взял, а получилось, что украл (Г., 15.6, норма); «Мы всегда тащили всякие магнитофоны с дач, бензин сливали, да, в общем, такие **детские шалости**» (О., 16.1, норма); «Я на других посмотрелся: кто-то украл магнитола – за 4 тысячи продал. А мне мама по сто рублей дает. Я посчитал: долго копить, украсть быстрее. Все равно мир испорчен: все воруют, это сделать просто. Все воруют, просто попадают не все. Это дело удачи» (Р., 15.4, норма).

14 из 15 подростков в качестве досуга предпочитали компьютерные игры, особенно по сети или в клубе. Игры преимущественно милитаристского, разрушительного содержания, предполагающие многочисленные убийства противника, представленного как в виде монстров, так и реалистично изображенных людей. Вот самые популярные среди нашей случайной выборки: Doom 3, s.t.a.l.k.e.r., Counter Strike, GTA.

В ряду прочих любимым жанром художественного фильма 15 из 15-ти подростков назвали «боевик», 9 из 15-ти отметили триллеры.

Последние два пункта, видимо, необходимо рассматривать и как причину несформированности гуманных ценностей у подростков. Именно 2007 год оказался в каком-то смысле роковым для осуществления выше описанных преступлений, а главное, неслучайным: подростки начала 90-х годов рождения – это дети постперестроечного времени, отмененных «советских» и неоформленных «рыночных» ценностей, а также одновременно первые «чистые испытуемые» – потребители вышеозначенных компьютерных игр, «боевиков» и много-

численных документальных сюжетов СМИ об убийствах, грабежах, катастрофах, под влиянием которых формировалась детская психика. Очевидно, что в опоре на сюжеты данных игр и фильмов формировались мотивы, способные привести к жестоким преступлениям: «**В. предложил идею создать свой бойцовский клуб, нам она понравилась. Ходили два раза панков бить, хотели научиться драться по-настоящему. Мне вот Стивен Сигал больше всего нравится, он самый крутой: всех строит без разговоров** (Д., 14.0).

Влияние подобной компьютерной и кинопродукции на ценностно-смысловую, и, в конечном итоге, на мотивационную сферу подростков более чем прозрачно и достаточно отчетливо видно в совершенных преступлениях: насилие осуществляется и принимается подростками как естественная закономерность жизни, в спонтанных суждениях о которой обнаруживалось явное недоверие к обществу, высокая настороженность, готовность к агрессии в любую минуту: «сейчас повсюду либо ты, либо тебя» (И., 16.1), «сумки сотовые забирают, надо уметь защищаться» (Г., 14.6), «Все равно мир испорчен: все воруют, это сделать просто. Все воруют, просто попадают не все. Это дело удачи» (Р., 15.4, норма), «для меня это (намеренное участие в драках – прим. автора) самозащита от армии (А., 15.3), «побили, ну, это нормально...бить не интересно, приходится драться, надо же уметь выживать» (И., 16.1), «я не люблю ходить на улицу...там зло на улице» (Е., 16.10).

Таким образом, если представить преступления, совершаемые подростками, как естественный эксперимент, то вполне отчетливо обрисовывается его **независимая переменная**, а именно:

- культ боевиков, фильмов-ужасов, низкопробных сериалов, пропагандирующих насилие;
- крайне агрессивное содержание компьютерных игр (s.t.a.l.k.e.r., Counter Strike, GTA и др.);
- засилье в программах СМИ сюжетов и прямых трансляций, содержащих информацию о насилии, убийствах и прочих криминальных

событиях и обнаруживающих психологическую неграмотность по структуре подачи и построению сюжета (близкая съемка кровавых сцен и их последствий, превышение лимитов трансляции высоко негативной информации и т.п.);

- общий упадок нравственных, духовных ценностей в современном российском обществе

Не менее отчетливо обнаружилась и **зависимая переменная** – ценностно-смысловая сфера подростков, которая под воздействием независимой переменной демонстрирует следующие изменения:

- идентификация виртуальной и реальной действительности: персонаж игр способен «умирать» не сразу, «оживать» после ряда высоко агрессивных воздействий (ударов, расстрелов), пополнять «запас жизни»; киногерой стоически переживает агрессивные физические воздействия, любое из которых в реальной жизни может выступить причиной тяжкого увечья и даже смерти. Смешению реальности с виртуальной действительностью способствует и реалистичность образа компьютерного изображения: современные игры приближаются к полной имитации образа живого человека, не менее реалистичны и красочны сцены ранений и убийств в фильмах. Стихийное создание подростками «бойцовского клуба» за счет осуществления настоящих драк – лучшее подтверждение развертывания виртуальных «изысков» игр и боевиков в реальной действительности жизни.

- несформированность понятий «физическая боль», «опасность для жизни», «угроза (вред) здоровью»: стойкость и «неубиваемость» главных героев игр и фильмов ведет к искажению чувствования физической боли, жизнестойкости человека, что в своем крайнем проявлении нашло отражение во всех случаях убийств, представленных к анализу.

- обесценивание человеческой жизни начинается с графики и сюжета компьютерной игры милитаристского типа, красочных и динамичных сцен боевиков и триллеров, которые подкрепляются документальными сюжетами убийств в СМИ. Игры учат постоянному и быстрому уничтожению

«врагов», имеющих реалистичный человеческий образ, детализация кровавых сцен в играх, фильмах и СМИ утверждает в формирующемся сознании ребенка и подростка естественность и «нормальность» убийства. Ребенок, погруженный с раннего детства в подобную среду, не имеет возможности взрастить ценностное отношение к жизни, когда ему предлагают ежедневно смотреть на убийства и осуществлять их виртуально.

- мотивы разрушения превалируют над мотивами созидания; культ агрессии над конструктивным решением проблемных ситуаций.

Современное информационное общество, таким образом, само создает и продает насилие. Подростковая субкультура максимально чувствительна ко всему контексту социума, в

связи с чем подросток, как в зеркале, отражает состояние общества в целом, так что у преступлений нашей эпохи очерчивается свое лицо: жесткое, агрессивное, не знающее цену здоровью и жизни другого человека. На сегодняшний день необходимо признать, что подобные изменения личности подростков-правонарушителей по крайней мере граничат с психопатологическими. В связи с этим необходимо либо воздействовать на источник подобного аномального формирования – социальную среду, либо признать нормой увлеченность детей и подростков играми разрушительного содержания, боевиками, триллерами, сюжетами реальных смертей в СМИ, отодвигать духовное, нравственное, культурное развитие на задний план и готовиться к приходу нового по-

коления. Только вот можно ли будет назвать его «нормальным» с позиции общечеловеческих ценностей?

Литература:

1. Васильев, В.Л. Юридическая психология/В.Л. Васильев. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 656 с.
2. Мамайчук, И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике / И.И. Мамайчук. – СПб.: Речь, 2002. – 255 с.
3. Медицинская и судебная психология: Курс лекций. Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2004. – 606 с.
4. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / Под ред. В.А. Гурьевой. – М.: Генезис, 2001. – 480 с.

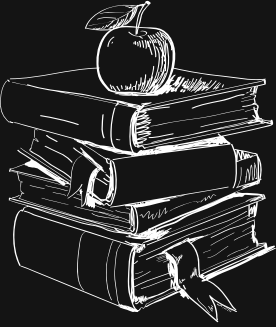
International multilingual social network for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>